

Наиболее часто под перформансом понимают представление, носящее эпатажный, экстравагантный характер; имеющее своей целью потрясти зрителя. Однако если взять точный перевод этого слова с английского языка (исполнение, представление, выступление), становится понятно и допустимо употребление понятия «перформанс» по отношению к любого рода перевоплощениям и лицедейству, в том числе – и по отношению к формам перевоплощения, присутствующим в древней культуре, когда театра ещё, как такового, не было. Иными словами перформанс – это момент самовыражения в чистом виде, в самых разных ситуациях и ради другого субъекта – зрителя. Причём «зритель» здесь должен пониматься также широко – как субъект, имеющий отношение к коммуникации в данный момент (пусть даже он и не вступает в непосредственную вербальную коммуникацию). Перформанс, его производство, как смысловое основание артистической субкультуры, сообщества, осуществляющего, создающего перформанс, позволяет очертить границы артистической субкультуры, в том числе и провинциальной.

Борисова Оксана Сергеевна

к. филос. н., Белгородский государственный
национальный исследовательский университет

СООБЩЕСТВА РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ НАЧАЛА XX ВЕКА: ПРОБЛЕМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Наш тезис состоит в том, что проблема репрезентации революции в песенном и музыкальном творчестве начала XX века отражает не только логику развития революции как феномена, но также и логику развития революции как явления, укорененного в непосредственной культурной жизни революционеров, революционной культуры и революционного сообщества

или сообществ, её составляющих. Мелос революции анализируется как часть революционной субкультуры, которая подчиняется ее логике, логике антисистемы, которая не только противопоставляла себя культуре официальной через включение элементов музыкальной традиции преступного мира, но также притягивала чужеродные для отечественной культуры элементы других антисистем. Таким заимствованием стало наследие французской революции. Помимо этого происходило также переворачивание и присвоение музыкальной и песенной традиции идейных оппонентов и «попутчиков» революции. Этот процесс был внутренне индуцирован событием революции. Экстраординарное переживание подталкивало к поиску новых форм, которые «переплавляли» старые музыкальные формы, тексты и даже смыслы. «Блатная» песня исполнялась со сцены театра, мистерия воплощалась в пространстве площадей и залов. Важно отметить, что верность событию революции, выражавшаяся в необходимости новой формы, находилась в противоречивых отношениях с самой формой. В своем максимуме революция отвергала форму как способ упорядочивания. Поэтому верность революции могла быть достигнута только ее изменой. Поиск «подобающих» музыкальных форм для репрезентации революции и отбор песенного содержания произошел уже в 20-е годы, что было свидетельством присвоения события революции.

Анализ песенной и музыкальной репрезентации революции, позволяет сделать вывод о том, что за первыми попытками соотнесения мелоса революции с традициями революционной субкультуры, выразившимися в подражании и заимствовании музыкального и песенного наследия Французской революции; за внутренним содержанием в революционном мелосе субкультурных элементов преступных, солдатских и крестьянских; собственно традиций революционной российской субкультуры, как и профессионального элемента традиций русской музыкальной школы, стоит совершенно самостоятельная логика самой революции. Революция как событие было внутренне противоречивым, поскольку стягивало в себя все

перечисленные элементы в своем прaxисе и отталкивала их в своей возвышенности события. Верность революции могла быть достигнута в парадоксальном ее предательстве, формировании канона, который присваивает и диалектически снимает революционный мелос.

Ефанов Александр Александрович

к.социол.н., доцент, Высшая школа экономики

РОЛЬ СУБКУЛЬТУРНЫХ ДВИЖЕНИЙ В КОНСТРУИРОВАНИИ МОРАЛЬНЫХ ПАНИК

Наиболее крупную группу составляют моральные паники, связанные с **молодежью**. Как замечает М.Х. Хаджаров, рост преступности и криминализация общества в 1990-е годы способствовали деформации нравственных ценностей, что «привело к размыванию ценностно-мировоззренческих представлений о правильном образе жизни. Свобода как нравственная категория была понята как вседозволенность. На этих ложных представлениях сформировалась целая прослойка молодежи, которая не признает общечеловеческих ценностей, моральных принципов и правовых норм»¹. По мнению ученого, состояние молодежи формирует потенциальную угрозу для общества. Молодое поколение воспринимается как некий «преемник», приходящий на смену нынешней социально активной группе, а потому вызывающий у нее беспокойство за нравственное здоровье будущей «основы» общества.

Особую опасность в отношении облика будущей «основы» общества представляют социальные движения экспрессивного характера,

---

¹ Хаджаров М.Х. Социология безопасности: Россия в эпоху смены мировых порядков // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 1 (137). С. 78.